

«У ПАНИ ОБРАЗА ЗАЖУЧИЛИ»

(Реальная история. Как художник с философом в 90-е в Польшу ездили на конференцию.)

Я — художник. Сказала вам это, а сама думаю: ну и что, скажете вы, с кем по жизни не бывает. Чего себя так вот: то ли выставлять, то ли припечатывать. А вырвалась эта фраза первой лишь потому, что как-то и не вижу себя по-другому. Сколько помню себя — всю жизнь все говорили на меня, что, мол художник у нас, рисует, картины пишет. А тут, на тебе, батюшки! Настоящую медаль победителя в литературном конкурсе недавно вручили за Героев моих. «Пиши теперь что-нибудь, — говорят, — в сборник победителей». Посидела я, подумала о жизни своей длинной. А давайте-ка, расскажу вам о небольшом путешествии в Польшу на философскую международную конференцию ученых-англистов.

Случилось это давно, в девяностые. Были мы с мужем еще очень молоды, но амбициозны, как все молодые специалисты. Пришла по почте бумага с приглашением на конференцию в Польшу: «Приглашаем, Владимир Михайлович, Вас с выступлением по теме, с жильем обеспечим, на вокзале встретим». А я тоже в Польшу хочу. Говорю: скажи, что с женой едешь. «А кто Ваша жена?» И тут «Остапа понесло». «Великий, — пишет им, — самый лучший художник Советского Союза». Ну дальше, разумеется, что международная конференция содрогнется от рыданий, если упустит шанс иметь столь значимую выставку особого, уникального художника. Поляки, само собой, шанс упускать не захотели, и «гениального художника» пригласили на конференцию с выставкой.

Все лето я создавала нечто такое, что может показаться самым великим в моем понимании. В результате юный напор, подогреваемый жаждой международной славы, родил философскую композицию из пяти картин, остальные десять ее дополняли. В десять вошли как вновь созданные, так и картины, написанные ранее. Всего 15! Теперь, на минуту вдумайтесь, пятнадцать холстов на подрамниках и в рамах. Размеры не миниатюрные. Что ж, сочиняем в Польшу послание, в котором красочно описываем, что с места стронутся на вокзале не сможем, если нас не встретят несколько человек и посильнее. Приходит ответ — наимилейшее послание. Обещают трех студентов из университета, которые будут ждать нас на платформе. Только укажите, мол, поезд, в котором прибудете.

Покупкой билетов сознательные философ с художником из страны Советов были обеспокоены заведомо. Поэтому, изучив все, что движется в город Лодзь, окончательно удостоверились, что прямых поездов мимо центра университетской мысли Польши не проходит. Однако, прицепные вагоны, все же доезжают до места назначения. Но хитрость вся в том, что тем, кто купил билет в этот вагон, неизвестно какой именно поезд его прицепит и довезет до желаемой точки в нужное время. Поэтому, пишем подробно о своей проблеме встречающей стороне: наш вагон прибудет на платформу города Лодзь тогда-то. Они в ответ: укажите ваш поезд. Мы опять, что не знаем нашего поезда, а вагон прибудет тогда-то. Пишу все это и думаю, как удобно сейчас с мобильными телефонами, но тогда их не было. ...

И вот, на вокзале в Москве, идут занять места в поезде будущие покорители международного успеха. Состав обычный, а наш вагон выделяется. Дошли до своего купе и остолбенели от такой неведомой диковины. Нам, простым советским ребятам, не приходилось кататься на столь буржуйской штуковине. В купе было только два места, это понятно, СВ. Узкое место для прохода к окну, у которого справа находился маленький умывальник с полочкой-шкафчиком над ним со всевозможными дорожными принадлежностями и стаканчиками для питья. Слева, вдоль стены, смотрели друг на друга два роскошных кресла, а над ними сложена верхняя полка, как большая картина. Справа, вдоль стены, располагалась узкая

палочка с двумя плечиками на ней, как в шкафу, только совсем узко, без глубокого пространства. Побросали путешественники свои баулы в коридоре, а сами к окну прильнули, провожающим помахать. Провожали нас все мамочки, папочки, друзья и знакомые. Стоят они на платформе, растерянно машут куда-то в неведомую даль, а нас, как оказалось, не видели. Окна в супер вагоне односторонне прозрачные и совсем неведомо как открывающиеся. Слегка огорчившись тем, что не получилось блеснуть перед сородичами, мы с Вовкой принялись втаскивать в этот «Барбин домик» свои сумки. И тут, как вы догадались, с удивлением для себя обнаружили, что места для вещей в купе не предусмотрено. Плечиками, все же, мы воспользовались. Купленный специально для конференции белый плащ для русского ученого важно занял на них свое место. Потом изучили все, что есть в этом купе, чтобы как-то вместиться в него со своими картинами. Конечно, пространство-шкаф было заполнено сразу же, при этом часть художественных папок повисла на маленькой вещевой палочке, но пройти от двери к окну стало практически невозможно. Кресла оказались нижним диваном, а не вожделенным вещевым комодом, как в обычных вагонах, и вмещали в образовавшиеся пустоты только себя красивых. И тут оба воззрились на аккуратно прилипшую к стене верхнюю полочку. «Откроем ее, положим все картины, а сами на креслицах пересидим, не сахарные». Сказано — сделано. Стали это «чудо» раскрывать. Применили все свои творческие возможности. Не получается. «Картина» продолжала издевательски висеть на стене, не желая становиться спальнoй полочкой. Позвать проводника для помощи в заваленную до предела вещами комнатку? — Постеснялись.... Измученные тупой работой, в изнеможении буквально рухнули на шикарные мягкие кресла и задремали.

Вскоре пришли пограничники и мы вынуждены были к ним выйти из купе. Поезд резко остановился для отцепления нашего вагона. От сильного толчка верхняя полочка с шумом раскрылась и со всего маху ударила по подголовникам наших кресел. Для иллюстрации поясню: сиди кто-либо на этих «тронах» — полка снесла бы мозги до ушей. Разочарованные увиденным, мы с мужем поняли, что план сидеть в креслах при раскрытой верхней полке с треском провалился. Пространство было лишь для лежачего человека. Так некоторое время, пребывая в стрессовой радости за случайно спасенную свою жизнь и в печали от тесного на всю оставшуюся дорогу пространства, русские путешественники решили как-то повысить себе настроение и перекусить. Раскопав свою курицу с помидорами из недр нашего вещевого завала, мы с благоговением подошли к маленькому умывальнику. Это сейчас я понимаю, что умывальник был сконструирован европейцем, который предполагал, что человек закроет дырочку, подержит необходимое время краник, чтобы заполнить раковину водой, помоеся, а затем вынет пробочку, чтобы водичка слилась. В тот момент мы действовали по-нашему. Вода льется — человек моется. А оно не получается, если ты один. Поэтому я моюсь — муж держит кран, он — наоборот. Воды налили немерено. Прервал эту идиллию усиленный стук в дверь грозного, как директора школы, проводника.

Оказывается, то ли замкнуло какие-то провода, то ли какая-то железка сломалась, и вызвали специалиста починить неисправность. Так вот эта неисправность оказалась прямо под нашим купе. Проводник рассказал, что мастер, обливаемый мыльным потоком, «орал, как паровозный гудок», но конструкция нашего супер вагона предполагает максимальную шумоизоляцию и мы, разумеется, ничего не слышали. Так удалось познакомиться, а затем подружиться с проводником и еще с несколькими очень милыми людьми из этого супер вагона. Вскоре, когда освободились места в вагоне, сумки с картинами по благу были эвакуированы, и мы уже ехали как диплица, наслаждаясь поездкой и предвкушая международную конференцию.

Польша нас встретила ежесекундно нарастающим по силе дожем. Аккуратно вытащив все художественные мешки на платформу, милые соседи и проводник до самого отправления

поезда долго желали молодому ученому с женой удачного выступления и выставки. Они заботливо помогли выйти с раскрывшимися зонтами, чтобы мы не намочили в своих верхних одеждах и, пока не закрылись двери с непроницаемыми стеклами, долго махали на прощанье. Важный философ и гениальный художник, красивые и выспавшиеся, в хорошем настроении вышли на платформу вокзала города Лодзь с подготовленными заранее фразами любезности на английском языке к встречающим польским студентам. Наши улыбки были направлены на многочисленную толпу, встречающую этот поезд. Однако, толпа таяла на глазах, а дождь все более и более усиливался. Наконец, на платформе мы остались совершенно одни.

Первой в реальность окунулась я, посмотрев на намокающие художественные сумки, в которых готовы погибнуть шедевры. Моментально сложив свой зонтик, схватив по несколько ремней от мешков с картинами на плечи, явзяла в руки дамскую сумочку, глазами показав мужу, поступить так же с оставшимися картинами и его портфелем. Так начались наши «шаги-по-мукам» на польской земле. О том, чтобы добраться до университета, где будет проходить конференция, пешком не было даже мысли. Спускаясь в вокзальный переход с платформы, мы планировали сразу же обменять 100 долларов, лежащие у Володи в портфеле, на адекватные, польские деньги, затем нанять такси, показать бумагу с приглашением и спокойно доехать до места назначения. Однако, обменного пункта на вокзале не оказалось. Вернее, вы деньги, конечно, могли обменять, но у кассира в киоске, где продают сигареты, книги, газеты, и прочие предметы. В киоске, однако, ожидал «сюрприз». В Польше только что произошел денежный обмен. На витрине красовались два вида купюр. Какие из них настоящие — не известно. Одно только ясно, что деньги поменяли один к десяти. Если бы у нас было несколько сотен долларов — да, Бог с ними, рискнули бы. Но у нас была одна бумажка. И рисковать в такой ситуации совсем не хотелось. Одно дело — обменный пункт в банке, другое — хитрый поляк с бегающими глазками, сидящий в киоске. Что делать? Кого спросить? Просишь объяснить по-русски — понимают, но не помогают. Пробираешься заговорить по-английски — хотят помочь, но не понимают тебя. Попытались сунуть таксисту нашу сотню долларов — отказался разменивать: всю, полностью, возьму, а сдачу не сдам. Дождь тем временем немного утих. Мы, намочшие, уже не чувствовали слабого дождя и, оглядевшись по сторонам, нашли примитивную карту города на баннере, где наша точка прибытия, университет, красовалась в конце прямой линии, которая слегка поворачивала от вокзала. Времени остается не так уж и много. Необходимо зарегистрироваться у организаторов, чтобы получить свою комнату и место на конференции. Стали потихоньку двигаться пешком в указанном направлении. «Пойдем, — предложила я, по дороге увидим нормальный обменный пункт или банк, а дальше доедем, как люди». В то время в нашей стране обменники назывались «иксченьч» на западный манер. Его-то мы и спрашивали, по-наивности. Дошли, наконец, до банка. Обрадовались, сил никаких! А в банке нам говорят, что денег они не меняют, а обменники не называют так, как мы их обозначили, а по-польски слово называют. Открыл муж в польско-английский словарь ... и ... о, Боги!. Слово переводилось, как «жулик или обман». Кто мог подумать! Даже если бы мы вовремя перевели. ... Попадались такие названия, но не возвращаться же теперь со всем барахлом! Дело уже к вечеру, сил идти нет, у меня обувь модельная, на каблуках. Смотрим во все глаза, где что написано, а впереди надпись на темнеющем небе гласит: «СКЛЕП ФИРМОВЫЙ». Жутковато как-то стало. ... Подходим ближе — магазин одежды. Уже совсем стало казаться, что попали в перевернутый мир, как вдруг, вышли на площадь с памятником по середине. Этот памятник на пригласительном конверте конференции красовался. Я как памятник этот узнала — села под него на постамент и идти дальше отказалась. Сижу, папки с картинами вокруг лежат, жду, когда муж выяснит, где тут английский факультет, пригласивший нас. Вовке удалось выяснить, что англичане здесь преподают неподалеку, в старинном здании, но идти надо побыстрее, т.к. вечер уже. Из последних сил, почти бегом, ворвались мы в этот английский центр. Тяжелая дверь за нами захлопнулась, оставив у нее все вещи, вбежали мы на второй этаж, где горел тусклый свет.

Худая, коротко стриженная англичанка, спокойная и умная, благожелательно отреагировала на правильный английский стоящего перед ней в грязном мятом мокром плаще русского философа. В ее лице мы впервые за последние несколько часов встретили во всех смыслах понимающего нас человека. И ... поняли, что искомый нами университет находится совсем в другой стороне, а английский центр, не принадлежит университету. И что самое ужасное, мы могли вовсе не пересечься с этой леди. Лишь, благодаря тому, что она случайно задержалась в своем центре, выручила нас небольшой суммой денег на такси, поздно вечером университетская гостиница впустила к себе двух русских участников международной конференции. Втроем с англичанкой мы спустились со второго этажа к выходу, но трудные сборы по увешиванию себя авоськами заняли какое-то время. Тяжелая дверь за леди захлопнулась, а ручки или какого-то выступа у двери изнутри не оказалось. Нагруженная со всех сторон тяжелыми баулами, в почти крошечной темноте, обезумевшая парочка, подобно пойманым толстым мухам в тесной темной коробке, тщетно пыталась выбраться туда, где в слабом свете за окном стояло такси. Деньги тикали временем простоя, отчаяние до слез охватывало душу. Но дверь была абсолютно гладкой. Ее нельзя было даже подцепить снизу — очень низко примыкала к порогу. Вдруг, кто-то стал спускаться к нам по ступеням. По виду уборщица подошла к двери, нажала на кнопку справа, и дверь легко открылась вперед, на улицу.

В гостиницу мы попали легко. Ей оказалось университетское общежитие, до уровня культуры которого в нашей стране доходят только сейчас. Университет города Лодзь выстроен по высоким современным стандартам. Лифты, конференц залы, холлы, рестораны и т.п. очень восхитили нас тогда. Насладившись видами просыпающегося города через стеклянную стену у кровати и выпив чаю, из подогретого чайника, стоящего на маленькой кухне в нашей студии, мы сняли с батареи в ванной высохшие наши плащи, которые я застирала вечером, и отправились искать своих организаторов. Охрана у выхода из гостиницы ничего толком объяснить не смогла, поэтому, выпросив у студентов место нахождения английского факультета, мы двинули в центр города. Погода была прекрасной. Мы находились за границей. Мы молоды, и нас встречают здесь всерьез! Впереди интересная конференция и моя персональная выставка. Настроение было более чем приподнятое.

Факультет нашли без проблем. К этому времени для себя уже решили, что говорить будет только муж. Его почти идеальный английский не раз снискал на англоговорящих конференциях комплименты у носителей языка. Поэтому, подойдя к проходной английского факультета, Володя заговорил с сидящим на страже консьержем, как можно грамотней строя фразы. Консьерж, до того мирно полу дремавший, встал, вытянулся во весь свой небольшой рост, и стал издавать звуки, отдаленно похожие на английский язык. Его мясистое лицо сначала густо покраснело, затем приобрело пятнистый характер, когда мы попросили его ответить, где находится декан факультета. Однако, пропускать нас во внутрь он не спешил. Видимо что-то хочет увидеть и удостовериться, подумали мы. Поэтому, русский ученый открывает перед стражем порядка свой портфель, где лежат документы с приглашением на конференцию. Портфель неустойчиво перекашивается на маленьком выступе стойки консьержа, и единственная бумажка со ста долларовой купюрой легким мотыльком вспархивает из лежащих в портфеле бумаг. Глаза на вновь покрасневшем лице консьержа приобрели полудикий вид. Суевливыми руками он начал хватать всевозможные телефонные трубки, которых оказалось перед ним лежит в избытке, коротко говорить что-то, затем снова звонить с коротким разговором, и так до тех пор, пока измененным голосом скорбно не заявил мужу, что декана не будет никогда или он вовсе умер. Опустошенные и разочарованные мы двинулись назад к гостинице. Войдя в фойе, мы сразу заметили лежащие на стойке характерные бумажки к конференции, возле них суевливая симпатичная дама, которая, услышав наши имена, простодушно воскликнула по-русски: «Ну куда же вы

подевались?»).

Пока торжественно открывалась конференция и Володя вынужден был присутствовать на общих дебатах, мне любезно предоставили прекрасно отреставрированный зал в одном из старинных корпусов университета. В помощь выделили четверых студентов с молотками и гвоздями. Вас когда-нибудь оставляли следить за дошкольниками, разыгравшимися в детском мелком бассейне? Если да, то вы легко поймете меня, стоящую посреди комнаты под выставку, и тщетно пытающуюся остановить и как-то организовать снующих у меня перед глазами студентов, которые не понимают ни на одном языке. Они самозабвенно и совершенно беспорядочно забивали в отремонтированные стены гвоздики, оставляя жуткие дыры в стенах, хватали картины и вешали, как им это нравилось, не обращая на меня ни какого внимания. Вся эта вакханалия продолжалась до прихода мужа. Стандартной фразой преподавателя английского языка, он поблагодарил и отпустил студентов, а затем мы с Вовкой весь вечер перебивали гвозди на нужную высоту, размещали в правильном порядке картины, тщательно стараясь скрыть ими наделанные студентами дыры.

Утром было объявлено время открытия моей выставки. Когда простой, походный художник, превращался в даму в вечернем туалете, муж, закалывая на мне последнюю булавку, с тревогой обмолвился, что автобус уже подали к входу в гостиницу. Я невозмутимо ответила, что «без нас не уедут». И действительно, кто самый главный на выставке, как ни сам автор картин!? Однако, когда нарядные виновники торжества величественно выплывали из лифта, автобус перед носом медленно развернулся и ... уехал. Охранник у стеклянного выхода невозмутимо подтвердил, что это уехали члены делегаций международной конференции на художественную выставку. «Но, если хотите, Жившик на своей машине туда сейчас отправляется», — сказал он указав на разворачивающийся маленький автомобиль. Кинулись догонять Жившика. Он же, как специально, еще быстрее стал от нас удирать. Адрес, к сожалению, был не известен. Туда устроители возили из уважения на машинах. Охранник тоже не смог ни чем помочь. Поэтому, мы буквально с силой вцепились в мирно стоящего рядом таксиста, чтобы тот следовал за Жившиком.

«А где вы задерживаетесь?», — спросила красивая полька, организатор встречи, увидав встепанную художницу с мужем, поднимающихся по лестнице. В зале, полном народу, царило по-истине королевское торжество. В центре был поставлен невероятных размеров круглый стол с головокружительным по шику фуршетным набором. Повешенные вчера картины смотрелись как в Лувре. Практически каждый ученый подошел к художнице с любезным комплиментом. На встрече присутствовала и пресса. Телевизионщики, снимавшие открытие, заинтересованно выпрашивали у меня через переводчика все тонкости философской задумки на центральной живописной композиции. В конце поляки подарили невероятно изящный букет цветов. Это был настоящий триумф. На утро мы включали новости в гостиничном номере и смотрели репортаж о вчерашней выставке. У меня до сих пор хранится кусочек польской газеты, которую через пол-месяца прислали из Польши о презентации картин на конференции. Но у этой истории есть продолжение. К нашей гостинице на утро подкатила эмансипированная дамочка, предложившая оставить художественную серию на год в галерее «Лодзь-21». Условия были более чем заманчивые. Дама убеждала, что картины будут иметь коммерческий успех, цену за работы поставят в долларах, и я смогу хорошо заработать. Мы договорились. Документы подписали и уехали.

Наш вагон отходил ночью. Поэтому, не смотря на всю любезность и извинения за принесенные трудности русским гостям с польской стороны, провожать нас ночью никто не поехал. Из тяжестей на тот момент были: сумка с продовольствием, врученная хлебосольными польскими друзьями, папки от картин и четыре работы, которые я не захотела оставлять в Лодзе. Помимо этого у нас в руках был портфель, моя сумочка и

роскошный букет, с которым не хотелось расставаться. Таксисту организаторы конференции заплатили за то, чтобы он нас посадил в вагон, однако этого таксист не сделал. Доставив нас до вокзала, он спокойно напомнил, что каждый поезд здесь прописан в бумажном объявлении полиграфическим способом, изменений быть не может, и мы просто должны выйти на нужную платформу и дождаться своего вагона. Поскольку по сравнению с приездом, нам искренне казалось, что вещей теперь не так уж и много, поступок таксиста не показался слишком наглым. И мы про него временно забыли.

Выползли тогда, обвешанные имуществом, мы с Володькой на платформу и стали дожидаться поезда. Минуты шли. Тревога нарастала. Подходило время отправления, но состав так и не появился. Громкоговорители что-то активно вещали на польском языке, создавая лишь гул в наших, не настроенных на эту речь, ушах. Все вокруг двигалось, приходило, уходило. Только лишь международно услышанный философ и почти прославленный художник одиноко стояли на пустой платформе. Каждый из нас по очереди сбегал еще раз посмотреть на напечатанный план движения поездов. Ошибки быть не может. Попытались спросить редких пассажиров, но те упорно кивали на знакомый печатный документ. Наконец, электричка, долго стоявшая вдоль нашей платформы на соседнем пути, медленно двинулась с места, открывая взору состав двумя путями дальше. И тут-то стало видно табло у стоявшего дальнего поезда. Наше направление! На табло нагло высвечивалось время отправления, которое ни минуту не включало образовавшейся задержки. Смерив расстояние, которое следует пробежать, учитывая все спуски и подъемы, муж не своим голосом закричал: «Опаздываем!». И рванул со всеми вещами к переходу, оставив меня семенить за ним с букетом роскошных цветов и дамской сумочкой наперевес.

Когда подобно коровам, вообразившим себя резвыми газелями, художник с философом буквально домчались до места, поезд уже набирал скорость. В вагонах важно стояли проводники. Хорошо, что наш вагон в голове состава, мы успеваем до него добежать. Но! О, ужас! Нашего девятого вагона нет в цепочке! Есть восьмой, десятый, а девятого нет! Бежим, спрашиваем у проводника: где девятый? По-русски спрашиваем, не до сантиментов. Тот вместо ответа кивает в конец состава. Душа холодеет с каждой секундой! В вагоны запрыгнуть не дают проводники. Скорость железный червяк набирает все больше и больше. Остаться? Как? Денег нет. Специальный купон-ваучер, типа визы, который Польша выдавала, заканчивался этим числом, а на границе строгие пограничники. Конференция завершилась и организаторов будет сложно отыскать, да и с жильем могут возникнуть серьезные проблемы. Все эти мысли пулей несутся в наших головах пока бежим против хода поезда. Состав был бесконечно длинным, какой-то «салат» из вагонов разных мастей и конструкций: тут и сидячие, как в электричках, и спальные СВ, и разбитые старые, и новомодные новые. Вдруг, замечаю открытые двери сидячих полупустых вагонов. «Прыгаем!», — кричу я. У меня меньше всего в руках вещей, хватаюсь за поднятые ступеньки, и, буквально по пластунски вползаю в раскрытые двери. Затем в тамбур муж кидает все вещи и сам цепляется за ступеньки, но тут платформа заканчивается, а он повисает, держась одним коленом за ступеньку и одной рукой за выступающую железную ручку-дугу. Вагон начинает слегка раскачиваться от ускоряющегося темпа. Картины и сумки, закинутые на пол, стали дружно перемещаться от стены к стене, угрожая тем самым вылететь из дверей в ближайшую минуту. Уцепившись что есть силы за плащ своего спутника, я оперлась ногами за выступы в стене и потянула Вовку вперед. Секунды мы лежали на полу, приходя в себя. Однако, разгулявшиеся по железному настилу, вещи вынудили нас покинуть опасное место.

И так, слегка помятые и немного психически потрепанные русские участники международной конференции, двинулись в сторону девятого вагона, проходя мимо всевозможных, уникальных по конструкции купе, пока не дошли до закрытых дверей в очередном тамбуре. Немного, видимо, опьянев от пережитого, мы вообразили себя

последователями Индиана Джонса и, вытащив из вещевых запасов консервный нож, по очереди принялись взламывать замок закрытой двери. Старание «сумасшедших русских» так приглянулось редким пассажирам вагона, что в тесном пространстве образовалась небольшая сочувствующая группа, которая рекомендовала, пыталась помочь и всячески поддерживала это безобразие. Мало-помалу силы покинули нас. Дверь, казалось, вот-вот откроется, но задора на последний бой с ней ни у мужа, ни у меня уже не осталось. Маленькая толпа разочарованно покинула место нашего сражения с препятствием, и в сидячем мягком вагоне, как и прежде до нас, воцарилась спокойная, сонная атмосфера. Я с плюхнулась рядом с Вовкой в мягкое, красное роскошное кресло ближайшего купе, ощутила на себе его особый комфортный силуэт, обнимающий тело, и мгновенно уснула.

Разбудили контролеры. В полудреме послышался знакомый рык, издаваемый моим мужем с которого те требовали штраф за сидение в вагоне улучшенной комфортности. «Зачем мне ваш сверх комфортный сидячий вагон, если у меня билеты в лежачий!», — орал он на стражей порядка совершенно по-русски. «Вы должны были уйти в свой вагон», — парировали люди в форме. «Да, но дверь закрыта, — вмешалась я, — мы пытались ее открыть, но у нас ничего из этого не вышло». «Открыть дверь? — изумленно уставился на меня один из них, — Да знаете Вы, что за этой дверью территория другого государства! Эту дверь трогать нельзя! Это международный скандал, пересечение границы!» Последние слова заставили всех, включая контролеров, взять немую паузу Станиславского.

По совету ночных проверяльщиков, которые, к слову, пощадили нас, мы с Вовкой вышли на ближайшей долгой по времени остановке и бегом бросились бежать в конец состава к нашему девятому вагону. У вагона стоял, вышедший покурить, проводник. Его светлые, характерные для сибиряков, брови заметно стали подниматься от удивления, когда против движения многочисленной толпы он заметил бегущую изо всех сил странную, обвешанную вещами парочку. Внимательно следя глазами за расталкивающими лениво плывущую толпу мужчиной и женщиной, то появляющимися в образовавшемся пространстве, то снова исчезающими в потоке движущихся навстречу людей, проводник вдруг понял, что «сумасшедшая пара» движется к нему. Выронив от удивления изо рта недокуренную сигарету, сибиряк инстинктивно двинулся к бегущим.

Пленительно сладкое чувство родины охватило мое сердце, когда сильные руки нашего соотечественника буквально внесли нас со всеми скромными пожитками на территорию вожделенного девятого вагона! Горячий чай в фирменных стаканах с подстаканниками, знакомый запах пропахшего углем вагона, улыбающийся всем своим светлым от бровей до ресниц лицом проводник — привели нас в состояние счастливой нерваны.

Прошел год. Все это время из города Лодзь поступали счастливые сведения о проданных картинах. И вот, мы, русские туристы, уже мчимся по знакомому пути в город интеллектуального центра Польши за своими законно заработанными долларами. Приходим в галерею, спрашиваем: «где такая-то дама»? А нам в ответ: «не работает она тут больше». «Хорошо, — говорим, — а где наши картины»? «Нету, — говорят, — не видели». «А деньги где?» — задаем вопрос. «А это не к нам, — отвечают, — не мы у Вас картины принимали». Тут вежливое настроение у русской художницы улетучивается и дипломатия переходит на уровень громкого требования начальника. Работницы галереи все моментально от внезапного крика попрытались в свои тайные кладовки подобно ночным мышкам. ... Я осталась одна бродить по безлюдным закоулкам галерейного склада, то и дело натываясь на стоящие на полу картины. В какой-то момент послышалась человеческая речь. За плотно завешанной картинами стеной говорили люди. Внимательно осмотрев пространство вокруг себя, не обнаружив прохода к говорящим, я медлила уходить с этого места. Женщина, возможно та, что со мной недавно общалась, с кем-то громко говорила по телефону. Разговор шел на

польском, разобрать в котором удалось фразу: «...У ПАНИ ОБРАЗА ЗАЖУЧИЛИ!...»

Прошло много времени. Я работала, создавала новые коллекции живописных полотен. Но потерянная, а точнее «зажученная», философская серия болезненной занозой застряла в моем сердце.